

УДК 070.11
DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-6-159-169

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Н.Л. Слободянюк

Аннотация. Рассматривается исторический аспект формирования образа народов Центральной Азии в российском обществе. Объектом изучения стали русские исторические журналы второй половины XIX века. Анализируется характер публикаций на эту тему, который соотносится с гражданской и политической позицией того или иного издания. Прослеживается возможность подобных изданий формировать в обществе определённую тенденцию восприятия тех или иных социальных и этнических групп, а затем становится возможным выявить связи между этим первичным образом и общей характеристикой взаимоотношений с ними. Кроме того, исходя из ракурса отношений к определённым объектам, сформированного в этих изданиях, можно определять характер современных взаимоотношений, влиять на политические решения. Отмечается инструментальное значение исторических журналов в политических и коммуникационных процессах.

Ключевые слова: исторические журналы; мифотворчество; социальная мифология; образ народов Центральной Азии; «Русский архив»; «Исторический вестник».

ХІХ КЫЛЫМДЫН ЭКИНЧИ ЖАРЫМЫНДАГЫ ТАРЫХЫЙ ЖУРНАЛДАРДА БОРБОРДУК АЗИЯ ЭЛДЕРИНИН ОБРАЗЫНЫН КАЛЫПТАНЫШЫ

Н.Л. Слободянюк

Аннотация. Макалада орус коомунда Орто Азия элдеринин образынын калыптанышынын тарыхый аспектиси каралат. Изилдөө объектиси XIX кылымдын экинчи жарымындагы орус тарыхый журналдары болгон. Ушул темадагы басылмалардын мүнөзү талдоого алынган, ал тигил же бул басылманын жарандык жана саясий позициясы менен байланыштуу. Мындай басылмалардын коомдо белгилүү бир социалдык жана этникалык топторду кабылдоо тенденциясын калыптандыруу мүмкүндүгү байкалат, андан кийин бул алгачкы образ менен алар менен болгон мамилелердин жалпы мүнөздөмөлөрүнүн ортосундагы байланыштарды аныктоого мүмкүн болот. Мындан тышкары, бул басылмаларда калыптанган айрым объектерге болгон мамилеге таянып, азыркы мамилелердин мүнөзүн аныктоого жана саясий чечимдерге таасир этүүгө болот. Саясий жана коммуникациялык процесстерде тарыхый журналдардын мааниси белгиленди.

Түйүндүү сөздөр: тарыхый журналдар; миф түзүү; социалдык мифология; Орто Азия элдеринин образы; «Орус архиви»; «Тарыхый жарчы».

FORMING THE IMAGE OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN HISTORICAL JOURNALS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

N.L. Slobodyanyuk

Аннотация. The historical aspect of the formation of the image of the peoples of Central Asia in Russian society is considered. The object of study was Russian historical journals of the second half of the 19th century. The paper analyzes the nature of publications on this topic and correlates with the civil and political position of a particular publication. The possibility of such publications to form a certain tendency in the perception of certain social and ethnic groups in society is traced, and then it becomes possible to identify links between this primary image and the general characteristics of relationships with them. In addition, the perspective of attitudes towards certain objects, formed

in these publications, becomes capable of determining the nature of modern relationships and influencing political decisions. The article notes the instrumental significance of historical journals in political and communication processes.

Keywords: historical journals; mythmaking; social mythology; the image of the peoples of Central Asia; «Russian Archive»; «Historical Bulletin».

Введение. Процессы, затрагивающие современную внешнюю и внутреннюю политику, геополитические вопросы, а также экономику и сферу социальных взаимодействий, в значительной мере обусловлены информационным воздействием на аудиторию. Следует отметить, что это воздействие не всегда носит характер спланированного и управляемого влияния со стороны тех или иных политических и экономических элит. На принятие конкретных решений в значительной мере оказывают влияние такие смысловые конструкты, как мифы¹ и архетипы², которые в силу своей природы способны миновать критические барьеры восприятия и влиять на происходящие события не самым лучшим образом. Благодаря им формируются автоматизмы стратегического мышления, которые нередко приводят к конфликтным ситуациям

¹ Миф – сложное понятие, затрагивающее сферу искусства, литературы, религии, психологии, социологии и т. д. В разное время миф исследовали К. Леви-Стросс, Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский, З. Фрейд, К. Юнг, М. Элиаде, Р. Барг, А.Ф. Лосев. Миф непосредственно связан с феноменом символизации социального пространства. В современных реалиях символизация социального пространства усиливается его медиатизацией, что в свою очередь увеличивает значимость как собственно мифа, так и процесса мифотворчества. Здесь есть необходимость уточнить значение мифологической составляющей символа. Мифотворчество как составляющий элемент современных информационно-коммуникационных технологий и процессов часто трактуется как фальсификация в интересах определённой ангажированной группы лиц. Тогда как миф – это своего рода матрица, заключающая в себе символические схемы и определяющая параметры реальности. В психологии образы, заключённые в мифе, обладают всеобщим характером. Они призваны социализировать индивида, который неосознанно актуализирует усвоенные структуры. Хотя возможны и фальсификации, воспринимаемые как мифологические конструкции.

² Архетип – это образ, недоступный для непосредственного восприятия и созерцания. Он лежит в основе архетипических представлений, которые становятся источником формирования мифологии.

в обозначенных сферах взаимодействия. Этим автоматизмам оказываются подвержены не только аудитории-объекты воздействия, но и основные акторы политического и экономического процесса, так называемые элиты, от которых зависит как стабильность отдельных регионов, так и успешность всего миропорядка в целом. Центральная Азия представляет собой сложный с этой точки зрения регион, отношение к которому во многом формируется под воздействием установок, сформированных исторически и постепенно принявших форму мифологем. Этот факт нередко является причиной принятия неверных решений и возникновения конфликтных ситуаций. Одним из способов решения этой проблемы представляется историческая рефлексия на уровне научного исследования практического материала, ставшего основой для создания определённой мифологии в этой области. Анализ и рационализация этого контента позволят избежать тенденциозности во взаимодействии и найти эффективные пути взаимодействия в сложных ситуациях. Российские исторические журналы XIX века являются превосходной базой для изучения этого мифологического и фактографического пласта. Его анализ и исследования способны привести к созданию качественно иной тональности информационного и прочего взаимодействия в обозначенном регионе.

Обзор литературы. Историография взаимоотношений Российской империи и народов Средней Азии богата: от трудов П.И. Рычкова, датированных 1750 годом – «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются», – до сочинений Василия Владимировича Бартольда, русского востоковеда, одним из первых опубликовавшего полный и систематический обзор политической истории Семиречья и Тянь-шаньских киргизов с древних времен до середины XVIII в. Это историографические труды, формирующие традицию и тенденциозность изучения проблемы как в XIX в., так и в XX в.

и оказавшие непосредственное влияние на образное восприятие региона российской аудиторией, которое уже формировалось разного рода периодическими изданиями. Промежуточным же транслятором тенденции стали исторические журналы. Последняя систематизирована и описана в работах А.Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения» 1980 [1]; С.Н. Ущиповского «Русская историческая периодика 1861–1917 годов» [2]; Н.Г. Георгиевой «Русская историческая журналистика. Ч. I. Российская историческая журналистика в XVIII – начале XX в.» [3]. Работ, в которых рассматривается проблема восприятия образа Средней Азии в русском обществе и принципов формирования стратегии взаимодействия с регионом, крайне мало. Стоит упомянуть статью О.Ю. Семенцова «США и политика России в Центральной Азии в первой половине 1870-х годов» [4].

Методология. На основе количественного и качественного анализов публикаций в российских исторических журналах XIX века, посвященных теме Центральной Азии, данное исследование прослеживает процесс формирования исторической мифологии. Под исторической мифологией в данном случае понимается создание понятийной парадигмы, лежащей в основе не только социальных взаимодействий, таких как политика, экономика, культура, но и в основе формирования исторической науки. В работе активно используется такой многозначный термин, как «миф». В данном контексте мы обращаемся к мифу как к социальному феномену, определяя его в русле концепции Э. Дюркгейма как коллективное представление, противопоставленное индивидуальному опыту [5]. Миф – смысловой концепт, обусловленный потребностями не конкретного индивида, а общества в целом. Он существует как способ фиксации и передачи традиции. Благодаря ему формируется особая реальность, осмысливается действительность и формируется коллективный опыт.

История и социальное мифотворчество. К середине XIX века история становится делом государственной важности. На пике интереса к истории особое значение приобретают исторические журналы. Издатели пользуются

признанием, их деятельность открывает им двери царского двора. При относительно немногочисленной аудитории исторические журналы становились индикатором состояния российского общества, формировали направленность интересов. Настоящее искало, да и сейчас ищет оправдания в прошлом, часто подминая это прошлое под себя и под свои интересы. Уже в исторических журналах середины и второй половины XIX века можно наблюдать за процессом мифотворчества. История трансформируется в социальную мифологию, последствия чего можно ощущать и в наше время. Тональность современных политических коммуникаций России и Центральноазиатского региона была сформирована именно в исторических журналах XIX века. Инструментом этого процесса был образ народов Центральной Азии, который, с одной стороны, задавал вектор взаимодействия, а с другой – отношения сводились к этому образу.

В предисловии к «Элементарному курсу Всеобщей и Русской истории» И. Белярминова, второе дополненное и исправленное издание которого вышло в Санкт-Петербурге в 1873 г., говорится, что: «цель элементарного курса, прежде всего воспитательная. Ему, во-первых, довлеет еще в отроческом возрасте пробудить любовь к великому в истории и удивление к замечательным историческим деятелям, что легче может быть достигнуто при изложении отрывочном, когда внимание учащихся не будет отвлекаемо рассказами о событиях и личностях второстепенных; во-вторых, краткими и вразумительными рассказами он должен развить нравственное чувство, воспитать стремление к гражданским доблестям и любовь к Родине» [6]. Учитывая, что в целом книга была воспринята скептически, критике подверглись как форма, так и содержание, автору указывалось на огромное количество неточностей и несоответствий, кроме того, его упрекали в отсутствии литературного таланта и во множестве прочих недостатков, общий посыл не вызывал вопросов. Задачи исторической науки, поставленные и сформулированные автором учебника, были общеприняты как в российской академической и научной среде, так и в целом в обществе. История непосредственно влияет на настоящее

и будущее, и речь идёт не о событиях, личностях и фактах прошлого, а о базисе смысловых конструктов, которые формируются на основе исторических и околоисторических знаний. Это становится особенно актуально сейчас, когда в условиях поиска новой смысловой и мифологической базы современности так называемое состояние метамодернизма делает исторический контекст неотъемлемой частью современности.

Долгое время внимание русских властей было сосредоточено на политической ситуации в Западной Европе и Турции. Более важными были вопросы, связанные с Польшей, Крымом, Грузией. Средняя Азия на рубеже XVIII и XIX столетий сулила немного выгод как для российской внешней и внутренней политики, так и не была интересна России с экономической точки зрения ввиду плохой осведомлённости относительно ресурсов, географических и политических обстоятельств. Слабые политико-экономические и культурные связи, бесспорно, оказали негативное влияние как на развитие региона, так и на представленность здесь интересов Российской империи. В качестве доказательства справедливости этого утверждения достаточно упомянуть хотя бы инициативу Ир-Назара, пытавшегося повернуть торговлю между Восточной Азией и Восточной Европой в старое русло – к берегам Каспийского, Балтийского и Чёрного морей. Проект умер вместе со смертью Ир-Назара. Туркестан выпал из сферы интересов российского правительства более чем на полвека. В начале 20-х годов XIX века в Среднюю Азию, в Хиву и Бухару, отправляются научные экспедиции, возглавляемые Н.Н. Муравьёвым и действительным статским советником Негри.

Начинают появляться значительные научно-исследовательские труды, посвящённые этому краю. Они рассматривают его географические, этнографические, политические, культурные и экономические характеристики. На Восточную Азию обращают пристальное внимание торговые и военные ведомства. Одной из первых появляется работа Н.Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819–1820 гг.», вышедшая в Москве в 1822 году. Двумя годами позже, в 1824 году, публикуется «Путешествие в Персию в 1812–1813 гг.» Г. Друвиля в двух частях.

Обе части были отпечатаны в Москве, в типографии Генерального штаба, что красноречиво говорит об уровне заинтересованности этим материалом. К середине века интерес приобретает всё более практический и конкретный характер: от очерков и описательного повествования шаг делается к узкоспециализированным профессиональным текстам. В 1835 году в Департаменте внешней торговли в Санкт-Петербурге Г.П. Небольсин издаёт «Статистические записки о внешней торговле России, составленные Григорием Небольсиным» в двух частях, а в 1850 году там же он публикует «Статистическое обозрение внешней торговли России». В этих трудах отмечается колоссальная значимость Центральноазиатского региона для внешней торговли России.

Кроме того, ситуация в отношениях российских властей и представителями среднеазиатских государств и народов на рубеже XVIII и XIX столетий усугублялась рядом проблем культурного плана. Во-первых, на население среднеазиатских ханств в то время уже начал оказывать сильное влияние ислам. Нередко религиозные проявления принимали форму мусульманского фанатизма. Во-вторых, из-за особенностей менталитета и национального сознания народы этого региона с подозрительностью относились к северному соседу. Как результат российская политика здесь встречала активное противодействие какому-либо сближению. Так, отправленные для установления торговых отношений в 1738 и 1753 годах торговые караваны были либо разграблены, либо понесли потери и были вынуждены повернуть обратно. Та же участь постигла в 1803 и 1824 годах торговые миссии, возглавляемые Кайдаловым.

Всплеск интереса к Среднеазиатскому региону был связан с очередным расширением границ Российской империи, с одной стороны, и усилением демократических настроений в российском обществе – с другой, а также усилением патриотических настроений в России. Речь идёт о событиях 1864–1887 годов, когда к России были присоединены ряд территорий Средней Азии. В её состав вошли Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират, Туркмения. Было образовано Туркестанское генерал-губернаторство.

Все эти события происходили на фоне активизации внешнеполитической деятельности России: русско-турецкая война, Сан-Стефанский договор, передача России части турецкой Армении и Бессарабии. Это своего рода реванш за торговые и военные неудачи, которые терпела российская политика в Азии в XVIII – начале XIX века.

Оборотной стороной медали был мировой экономический кризис, разразившийся в 1873 году, заставивший обратить внимание ведущих держав на новые территории, способные стать источниками ресурсов, дать доступ к новым рынкам, обеспечить стратегическое доминирование. Россия входит в так называемый «Союз трёх императоров» вместе с Германией и Австро-Венгрией, параллельно заключая договор о разделе сфер влияния в Средней Азии. Символично устанавливается памятник Екатерине Великой в Санкт-Петербурге на Александринской площади, который был призван сообщить всему миру о незыблемости и величии Российской империи. Периодические издания того времени, в том числе и исторические журналы, реагируют на происходящее усилением патриотического пафоса и обострением внимания и интереса к военной тематике.

Поворотной точкой становится хивинская кампания, возглавляемая туркестанским генерал-губернатором генералом Кауфманом. В ходе этой военной экспедиции перед хивинским ханом был поставлен ультиматум о передаче части земель и полном уничтожении рабства. Хан не мог принять подобных требований, и Хивинское ханство было завоевано Кауфманом. Хан становится «данником белого царя», а право решать споры русских с местным населением получают русские власти.

Одно из последних упоминаний в журнале о Средней Азии также связано с вопросами торговли. Экономическая составляющая становится едва ли не основной в вопросе политики России в Центральной Азии, нередко отгесняя на задний план внешнеполитические интересы. В том числе взаимоотношения с Англией – основным конкурентом России в борьбе за доминирование в этом регионе, которая на уровне обыденного сознания воспринимается как более «близкая», «понятная», несмотря на все разногласия, даже

вооружённые, чем среднеазиатские государства. Следует отметить, что не последнюю роль в формировании подобного отношения сыграли книжные и журнальные публикации, посвящённые среднеазиатской теме. В последней четверти XIX века выходят заслуживающие внимания научные труды С.И. Гулишамбарова «Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России» [6], К.Н. Ладыженского «История русского таможенного тарифа» [7] и др.

Начало XX века становится временем всплеска интереса к Среднеазиатскому региону. Предметами изучения становятся этнография, культура, язык: важное значение придаётся человеческому фактору. Смещение акцентов в гуманитарную сферу продиктовано рядом обстоятельств. Одним из фактов, демонстрирующим этот процесс, становится книга, вышедшая в 1900 году в Казани, «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах» [8].

«Русский архив». Публикации «Русского архива» по большей части пронизаны монархическим духом и имперским пафосом, заданными с момента основания его создателями и вдохновителями. «Русский архив» – один из эталонных исторических журналов, созданный И.П. Баргелевым. Материал, публикуемый на страницах издания, был призван создавать образ России как просвещённого европейского государства. «Азиатская» тема практически не рассматривается редакцией журнала. Тем самым для российского общества, с точки зрения издателей журнала, взаимодействие со Средней Азией оказывается чем-то второстепенным, не заслуживающим внимания, в то время как Среднеазиатский регион ориентирован в вопросах внешней политики и экономики прежде всего на Российскую империю.

На фоне общей направленности статей «Русского архива», где преобладает интерес к взаимоотношениям с Европой и Западом, происходящее в Средней Азии выглядит незначительным, забавным приключением, но никак не важным геополитическим экономическим направлением, где не только завязывается взаимодействие с регионом, но решаются внешнеполитические отношения с европейскими государствами. Примечательно, что художественная

литература в публикациях «Русского архива» становится центральным персонажем русской истории.

Материалы в подавляющем большинстве представляют собой подробную публикацию архивов аристократических семейств и царского семейства. Особое место в журнале занимала императрица Екатерина Великая, к которой Бартнев питал глубокое почтение и любовь. Едва ли не делом всей его жизни становится поиск доказательств тайного брака Великой Императрицы и её фаворита графа Григория Александровича Потёмкина.

За почти полувековую историю существования журнала тема присутствия России в Средней Азии и взаимоотношений с народами этого региона появилась не более пяти раз. Одной из первых исторических статей, в которых упоминается Средняя Азия, становится сообщение Н.Ф. Самарина «Общее обозрение торговли с Азией. Записка гр. В.А. Зубова» [9]. Сообщение представляет собой перепечатку текста «Общее обозрение торговли с Азией. (Из бумаг покойного графа Валериана Александровича Зубова 1801 года)», кстати, вышедшую в журнале «Сын отечества и Северный архив» (Часть 128. № 35. 1829), и снабжено небольшим комментарием Самарина, в котором он предполагает, что эта «любопытная записка» относится к последним дням правления Павла Петровича и связывает её с присоединением Грузии к России и известным походом казаков в Индию. Интерес для России представляют, как видно из документа, ресурсы Индии, Персии и присутствие в данном регионе европейских стран. Зубов пишет в своей записке: «Азия, изобильнейшая часть Света драгоценными произведениями, издревле обращает на себя внимание всей Европы. Чрез торговлю, а наипаче с нею, целые Государства последственно достигли и ныне достигают до высшей степени знаменитости, силы и величия. До предмета моего не принадлежит входить здесь подробно в историческое исследование разных эпох её» [9].

В 1878 году в журнале появляется публикация, посвящённая военной кампании против Кокандского ханства – «Поход против кокандцев и взятие Ак-Мечети», в «восточном направлении» выбор тем был довольно ограничен.

Материалы публиковались преимущественно в контексте «славы русского оружия». Издателя привлекают победоносные военные кампании и идея покорения «диких» земель. Речь идёт о Хивинской военной экспедиции 1839 года. Именно о ней появляется относительно большое количество публикаций. Милитаристская тематика, её романтизация и мифологизация становятся продолжением имперской мысли. Люди низшего сословия в принципе не интересуют редакцию «Русского архива». Речь идёт не только о «туземцах», но и о собственном демосе [10].

Публикации 1898 года – «Из писем к издателю «Русского архива» I. Н.В. Ханькова (о Хивинском походе 1839 года)» – предшествует материал, посвящённый отмене крепостного права в России в 1861 году. Статья мало информативна, но её пафос и риторика говорят о многом. «Петербург вздохнул. Посланные прежде во все губернии доверенные лица наблюдали за точным объявлением манифеста и имели сильные полномочия для пресечения беспорядков. Было несколько случаев, где пришлось употребить силу; но вообще всё сошло благополучно, и громадный, вековой переворот прошёл замечательно тихо. Приписать его можно только Русскому Богу, не оставляющему православную Русь, и замечательно доброму, терпеливому нраву Русского народа во всех его слоях. За границей, где с 1789 года малейший переворот доводит до столкновений, не могли надивиться, как у нас такое громадное социальное дело, в котором 20 миллионов людей получили свободу, сошло мирно. Не баранов же освободили; миллионам людей дали права человека» [11]. С того же письма начинается и письмо Н.В. Ханькова: «Во всё продолжение Хивинской экспедиции никакого бунта в войсках не было». Но был расстрелян один пехотинец и по «торопливости Толмачёва [дивизионный генерал-лейтенант] чуть-чуть не зарыт живой». Солдат «человек, истинно убогий духом» был выставлен в караул. Ночью он чего-то испугался, бросил оружие и бежал в степь. Наутро его привёл казачий караул. Состоялся военно-полевой суд. «За побег перед неприятелем (?) солдата приговорили к расстрелу для поддержания общей дисциплины. Толмачёв организовал расстрел кое-как, и ещё живого Зырянина

бросают в могилу. Когда выяснилось, что он всё еще жив, его снова привязывают к столбу и начинают казнь заново. «Страдалец» называет его автор письма, но при этом называет Толмачёва «добряком, но фронтовиком, который артикул ставит выше психологии» [11]. Этот эпизод ярко рисует образ покоряемых народов и отношение к ним в определённых кругах российского общества, чьи интересы отражал журнал. На фоне такого обращения со своим солдатом в тексте проскальзывает практически незамеченным упоминание о неприятеле с вопросительным и восклицательным знаками, поставленными самим автором.

С другой стороны, можно сказать, что это вынужденный интерес. «Русский архив» таким образом реагирует на происходящие события, пытаясь при этом сохранять своё преимущественно аристократическое и монархическое лицо. Образ монарха – это не что иное, как модификация архетипа отца/патриарха. В случае с Екатериной Великой будет не совсем верно использовать образ матери, это будет скорее феминитив от символического образа «патриарха». Власть примеряла на себя отеческий образ, а новые подданные народы ассоциировались с образом и архетипом ребёнка. Это отношение мало менялось к концу первого десятилетия XX века. Формирование этого образа чётко прослеживается в публикациях «Русского архива». В 4-м выпуске журнала за 1892 год выходит материал, подготовленный П. Юдиным «Церемониалы ханских выборов у киргизов»: «При Екатерине Второй киргиз-кайсацкие ханы отправили в Петербург посольство с просьбой о присоединении их орд к России, и всероссийская правительница приняла мудрое решение: во-первых, широко оповестить кочующие племена, что их султаны и ханы являются подданными России, во-вторых, возвысить в глазах киргиз-кайсацких орд значимость, влияние царского наместника, уфимского генерал-губернатора». В статье утверждается неизблемая вертикаль взаимоотношений российских властей и народов Средней Азии. Приняв подданство, они не становились ни равными, ни равноправными. Взаимодействие с местным населением и в целом политика, проводимая

в этом регионе, носили демонстративный характер. Символический характер контактов не позволял выстраивать партнёрские взаимоотношения, следовательно, не была возможна гармоничная интеграция новых земель и народов в государственную экономику и политику. Тем самым были заложены предпосылки возникновения конфликтов в Центральной Азии, в том числе и современных. «Киргизские орды, Малая и Средняя, приняв в половине восемнадцатого столетия подданство России и подчинившись русскому престолу, удержали, однако, в своих родах приёмы туземного управления и многие укоренившиеся обряды, и обычаи, свойственные полудикому народу. Самым выдающимся обычаем в киргизском управлении, сохранившимся до 1825 года, были выборы ханов и утверждение их в этом достоинстве, происходившие с особенной пышностью, для поддержания которой русское правительство не жалело денег и подарков». Здесь образ зафиксирован в двух моментах: «полудикий народ» и «подарки». При этом, описывая пышную церемонию, устроенную в честь султана Валия и, собственно, на «туземцев» рассчитанную, Юдин отмечает: «...всех допустить в крепость нельзя было ещё и по той простой причине, что киргизы по своему невежеству испортили бы устраиваемый порядок и могли бы стеснить “лучших людей”». За этим последовало внезапное решение Екатерины II, в силу неизвестных обстоятельств засомневавшейся в надёжности союза России со Средней и Малой ордами, о создании полков из башкир и мещеряков. Разрыва отношений не произошло. Кстати, случилась война со шведами, и первые два полка по высочайшему повелению были направлены в Петербург. По распоряжению Павла I Уфимское наместничество было реорганизовано в Оренбургскую губернию [12].

В 1878 году в «Русском архиве» публикуются письма В.А. Перовского почтдиректору А.Я. Булгакову, написанные во время Хивинского похода 1839 года. П.Л. Юдин, постоянный автор «Русского архива» и «Русской старины», писал о В.А. Перовском: «Обширный ум его хотел объять всё, и он жил только одной мечтой, как бы лучше устроить любимый им край, чтобы он был образцовым в России» [13]. Речь шла

о Средней Азии. Журнал остаётся верен себе. В небольшом предисловии к «Письмам» говорится: «Большая часть нижеследующих писем относится ко времени Хивинской экспедиции, кончившейся неудачно, но послужившей к вечной славе её участников, показавших в ней изумительное, геройское терпение Русского человека» [14]. «При всей доброй моей воле, подбирая все события, совершающиеся на пространстве от Волги до Бухары, я всё-таки не мог бы сказать Вам чего-либо, что бы заслуживало Вашего внимания» [14], – пишет он накануне Хивинского похода, упоминая о научной экспедиции и военно-воспитательном походе против туркмен, «морских разбойников», захвативших в плен русских рыбаков, промышлявших в устьях Волги. Позже стало известно, что у Перовского было распоряжение особого комитета, который по представлению В.А. Перовского состоял из трёх человек: самого Перовского, графа Нессельроде, графа Чернышёва, «содержать истинную цель предприятия в тайне, действуя под предлогом одной только учёной экспедиции к Аральскому морю» [14]. В русской печати подробности Хивинской кампании появляются только в 1860 году. Среди светской болтовни и обсуждения сплетен в этой переписке образ местного населения всплывает однажды, но чрезвычайно красноречиво: «Люди или, вернее киргизы, не помнят здесь столь глубоких снегов» [14]. Это был тот самый Перовский, который заочно приговорил часового к расстрелу.

«Исторический вестник». «Исторический вестник» по духу сильно отличается в этом плане от «Русского архива». В центре внимания – человек со всеми нюансами его отношений с внешним миром и социумом. Публикации в целом проникнуты демократическим духом. Это выражается прежде всего в фокусе интересов этого издания. Если «Русский архив» прославляет русское оружие даже в ходе провальных предприятий, то в «Историческом вестнике» одной из последних публикаций, кстати, весьма многочисленных, становится статья Я.Я. Полфорова «Позорное дело: из истории Туркестанских войн»: «4 декабря исполняется 40 лет со дня известного дела сотни есаула Серова, храбро, но с большими для себя потерями, отбившейся от

многотысячного отряда коканцев. Подвиг этот воспет уральцами, занесён на страницы истории, участники (некоторые живы) достойно награждены, и, наконец, среди зыбучих песков Туркестана, на месте, где храбрая сотня отчаянно отбивалась от вражеских полчищ, сооружён памятник. Но наряду с этим тёмным пятном вырисовывается поступок отряда, посланного под начальством подпоручика Сукорко на выручку сотни Серова. До сих пор история как-то замалчивает эту оборотную сторону Иканского дела, между тем в ней много любопытного и поучительного» [15]. В предисловии к статье сжато отражены и общий посыл всего журнала, и то, как его создатели видели среднеазиатскую тему. Взгляд – с позиции человека. В этом разительное отличие от «Русского архива». Военный подвиг принадлежит солдату, есаулу, а не высшему командованию, памятник увековечивает простого человека, а история должна помнить, хранить истину и учить. В этом основной пафос: история не прославляет, а учит, запоминает не избранные моменты величия, а педантично фиксирует всё; у любого славного дела есть оборотная сторона. Пожалуй, единственный недостаток журнала заключается в том, что его создатели предпочитали видеть исключительно оборотную сторону. Но журнал представлял другую часть русского общества, не избалованную властью, а его издатель не был вхож в царский двор, как издатель «Русского архива» Бартенев.

В статье «Позорное дело» автор смотрит на окружающий мир с позиции читателя: а что бы увидел я, окажись в том месте и в том времени. Это никак не взгляд государственного человека. В местном населении он видит прежде всего людей: загадочных, непохожих, но интересных и разных. Именно взгляд с высоты собственного имперского превосходства командующего приводит к беде: «Ну, и орда... – проговорил Жемчужников, махая рукой на киргизов. – Вот тут и пойми вас, не то триста, не то тысяча, а, может быть, ни то, ни другое, ни третье, а всего три коканца, а нашим малахаям показались сотни. Ну, ты, Маметка, говори толком: много коканцев в Чилике» [15]. Обращение к местному населению свысока, снисходительное. К именам добавляются уменьшительно-ласкательные

суффиксы: «Это Маметка с Беримжанкой и Урузбайкой, что были поставлены в урочище Чилике» [16]. Самодовольство оборачивается трагедией. Гибнет отряд. В этом смысл этого эпизода, который, по мысли автора, кричит: «Так нельзя!».

«Путём к исторической правде» называли свой журнал издатель А.С. Суворин и редактор С.Н. Шубинский. Средней Азии посвящены около 50 разнообразных публикаций: путевые и этнографические очерки. Военная тематика занимает незначительное место среди материалов «Исторического вестника» [17]. Интерес к этому региону и его населению возникает у редакции журнала примерно в то же самое время, что и у «Русского архива». Первая публикация, связанная со Средней Азией, появляется в 1884 г., спустя четыре года после основания журнала: «Первое подданство туркмен России» статья Н.И. Веселовского, и после этого эта тематика регулярно появляется на страницах журнала.

«Добровольное подчинение России кочевников Азии очень обыкновенное... – начинается статья. – В XVIII столетии, без всяких помышлений с нашей стороны и совершенно для нас неожиданно, киргизский хан Абуль-Хаир отправил к императрице Анне Иоановне послов с просьбой о принятии его и подчинённого ему народа в русское подданство... Туркмены также, без всяких поощрений к тому со стороны нашего правительства». При этом следует отметить бережный и гуманистический подход к «новым подданным» Российской империи. Автор статьи упоминает некий документ – прошение туркмен к астраханскому губернатору Якоби, список, копию которого ему удалось получить. Его волнует служба, которую должны были нести туркмены: «Какой результат имело это прошение, т. е. дозволили ли туркменам нести тот род службы, к которому они чувствовали себя способными, или их заставили принять новый образ жизни, нам неизвестно» [18]. Перед нами предстаёт образ «другого» – ни образ меньшего брата, ни человека «степи и гор» как части ландшафта, ни образ дикого и непонятого врага, а человека в высшем его проявлении, достойного соблюдения его прав и имеющего право на отличия. Этот стиль отношения к изучаемым в журнале людям

сохраняется в течение всего времени выхода журнала с 1880 г. до 1917-го.

Излюбленным жанром на страницах журнала «Исторический вестник» становится очерк, где в отличие от публикаций в «Русском архиве» в подавляющем большинстве мы имеем дело с мемуарами, письмами и воспоминаниями, расшифровкой частных архивов. Так, на формальном уровне отчётливо прослеживается позиция журнала, отношение его к личности как таковой, в этом проявляется соотношение объективного и субъективного, в этом виден социальный манифест. Очерк фиксирует и наблюдает реальность, письма и мемуары утверждают исключительность конкретной личности, тем самым утверждая определённый вектор развития отношений внутри социума.

В 1887 году 30-й том «Исторического вестника» открывает первая часть цикла очерков Н.В. Сорокина о Средней Азии, продолжение выйдет в 33-м томе в 1888 году и в 37-м томе в 1889 году. Цикл носил название «Природа и человек в Средней Азии: путевые очерки и впечатления». С первых страниц читателю адресуются удивление и восторг, счастье от встречи с новым и неизведанным. Нет и тени надменной аристократической грусти покорителя. Тон повествования позволяет предчувствовать разговор на равных с местными жителями. В текстах появляется говорящая деталь. Примечателен разговор с ямщиком. Путешественники интересуются странным сооружением, столбом, назначение которого непонятно, и ямщик, местный житель, не может сказать, кто и для чего установил его. Появляется догадка – пограничный столб. Столб, как символ исчезающей границы между Европой и Азией, перетекания одного в другое и обретения единства: территориального, политического, человеческого. Идиллию разрушает военный – вездесущий, с нагайкой, отличающийся тщеславием и глупостью: «Таким образом, уже тогда имелось два сословия: чернь и господа; мы – господа, потомки варягов, а чернь – до сих пор осталась азиатами. Этот простой народ одинаков везде, и в Азии, и в Европе, стало быть, и мы должны быть одинаковы в Европе и Азии. Сам закон природы требует, чтобы мы и теперь водворяли порядок, а он может существовать

только там, где процветает нагайка... будучи убеждён, что я варяг и ничего больше – сыплю нагайкой направо и налево, и совесть моя чиста» [18]. Образу «Варяга» противопоставлен образ толпы «оторопевших киргизов и русских» и ямщика без шапки, на коленях. Они стоят перед человеком с нагайкой, под разбитым фонарём как символом неудавшегося просвещения. В описание вторгается художественная деталь. Стоит перешагнуть через эту преграду – и начинается жизнь, наполненная тёплыми чувствами, симпатией, бытовыми деталями.

Позднее в разные годы в журнале печатаются множество очерков, посвящённых Средней Азии: «От Асхабада до Мешеда» Д. Беляева, «Очерки Бухары» П.П. Шубинского, «По границам Бухары и Афганистана: путевые очерки 1898 года» А.А. Семёнова, «Через Бухару на Памир» Б.Н. Литвинова, «Путешествия Пржевальского», «В долинах и горах русского Тянь-Шаня» Н.В. Сорокина, «В поисках перевала через Тянь-Шань» А.Е. Грумм-Гржимайло и др.

Военная тема также не обойдена вниманием, но акценты в её освещении сделаны совсем на других вещах. Русское оружие, по мысли издателей, должно быть не инструментом завоевания и покорения, но должно служить защите и восстановлению справедливости. Одним из поводов поднятия этой темы стали внешнеполитические проблемы России, возникшие в 90-х годах XIX века. Одной из таких проблем были отношения с Афганистаном и Китаем. В 1898 году печатается материал Б.Л. Тагеева о событиях четырёхлетней давности – «Памирский поход. Воспоминания очевидца». Конфликт на границе с Афганистаном предстаёт перед глазами читателя с точки зрения таджика-беженца, чья семья пострадала от рук афганских вооружённых отрядов. Личная трагедия шугнанца становится оправданием и залогом славы «русской боевой славы». Жестокость была и с той, и с другой стороны, но рождена она либо несовершенством государственной системы, либо качествами конкретного человека, но никак не народом в целом. Особого внимания в «Историческом вестнике» удостоились материалы о дипломатических взаимоотношениях и с народами, и государствами Центральной Азии в том числе. В этом был

просветительский пафос издания, придерживающегося демократических и гуманистических ценностей.

Другие издания. Картина не была бы полной без упоминания ещё двух изданий, специализирующихся на исторических материалах.

С 1875 по 1881 год выходил исторический журнал «Древняя и новая Россия», который представлял собой иллюстрированный ежемесячный исторический сборник. Его отличием от подобных изданий было высокое качество материалов, обработанные исследования и высокая степень научности. В нём публиковали свои работы такие признанные учёные, как Н.Я. Аристов, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Н. Веселовский, Я.К. Грот, В.И. Герье, И.Е. Забелин, Е.Е. Замысловский, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, О.Ф. Миллер, Л.Н. Майков, С.М. Соловьёв, М.И. Сухомлинов, и т. д. Издание для академической интеллигенции интересовало исключительно вопросы отечественной истории и этнографии. Прекрасно иллюстрированный и отпечатанный журнал рисовал образ Средней Азии очень красноречиво. В нём не было ни одного материала, посвящённого этому региону и его населению. Для русской интеллигенции этот район не стал «своим», оставаясь экзотическим, заманчивым, но чужим краем. «О походе в Афганистан для уничтожения владычества англичан в Индии. Записка генерал-лейтенанта С.А. Хрулёва» [19].

Выводы. Анализ материалов отдельных русских исторических журналов, посвящённых Среднеазиатскому региону, показал важность обсуждения темы исторической интерпретации событий как инструмента формирования политической и коммуникационной стратегии государства. Образ политического партнёра становится важным фактором в прогнозировании событий и формировании отношения к ним в обществе. Очевидно, чем выше степень осведомлённости, тем эффективнее взаимодействие на гуманитарном, экономическом и политическом уровнях.

При этом каждый из журналов был своего рода идеологической платформой определённой аудитории, объединённой общей идеей, общим мировоззрением и мировосприятием.

Исторические материалы представлялись неким бэкграундом их общественно-политической позиции. Так, более консервативный журнал «Русский архив» предпочитал рафинированную культурную тематику с выражением явной симпатии имперской политике царской России. В то время как более демократический «Исторический вестник» занимал гуманистическую позицию как по отношению к устройству России, так и к оценке её действий по отношению к её ближайшим соседям и партнёрам.

Кроме того, исследование показало большой потенциал исторического материала и исторической периодики с точки зрения использования их как инструмента формирования общественного мнения по тем или иным вопросам и инструмента, задающего вектор общественно-политического развития. И это утверждение справедливо как для исторической периодики XIX века, так и для современного исторического контента масс-медиа.

Поступила: 18.04.22; рецензирована: 28.04.22;
принята: 29.04.22.

Литература

1. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / А.Г. Тартаковский. М.: Наука, 1980.
2. *Ущиповский С.Н.* Русская историческая периодика 1861–1917 годов / С.Н. Ущиповский. СПб.: Роза мира, 2008.
3. *Георгиева Н.Г.* Русская историческая журналистика. Ч. I. Российская историческая журналистика в XVIII – начале XX в. / Н.Г. Георгиева. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
4. *Семенцов О.Ю.* США и политика России в Центральной Азии в первой половине 1870-х годов / О.Ю. Семенцов // *Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2010. № 1. С. 84–87.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с франц., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1995. С. 119–123.
6. *Гулишамбаров С.И.* Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России / С.И. Гулишамбаров. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1898. 248 с.
7. *Ладыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа / К.Н. Ладыженский. СПб., 1886. 226 с.
8. *Алекторов А.Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах / А.Е. Алекторов. URL: http://starietknigi.info/Knigi/A/Alektorov_A_E_Ukazatelj_knig_zhurnalnykh_i_gazetnykh_statej_i_zametok_o_kirgizakh_1900.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
9. Общее обозрение торговли с Азией: записка гр. В.А. Зубова. Сообщ. Н.Ф. Самарина // *Русский архив.* 1873. № 1. С. 879. URL: http://starietknigi.info/Zhurnaly/RA/RA_1873_01_06.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
10. *Русский архив, издаваемый Петром Бартевым.* 1863–1908. Содержание его книжек и предметная роспись с азбучным указателем. М.: Синодальная типография, 1908.
11. Из памятных заметок старого гвардейца // *Русский архив.* 1892. Кн. 1. С. 138. URL: http://starietknigi.info/Zhurnaly/RA/RA_1892_01_04.pdf
12. *Юдин П.* Церемониалы ханских выборов у киргизов / П. Юдин // *Русский архив.* 1892. Вып. 4.
13. *Юдин П. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае* / П. Юдин // *Русская старина.* 1896. Кн. 5–6.
14. Хивинский поход 1839 года. Письма графа В.А. Перовского.
15. *Полфёров Я.* Позорное дело (из истории туркестанских войн) / Я. Полфёров // *Исторический вестник.* 1904. № 12.
16. Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за 25 лет (1880–1904) / сост. Б.М. Городецкий. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908.
17. *Веселовский Н.И.* Первое подданство туркмен России / Н.И. Веселовский // *Исторический вестник.* 1884. Т. XVI. Май. С. 302.
18. *Сорокин Н.В.* Природа и человек в Средней Азии: путевые очерки и впечатления / Н.В. Сорокин // *Исторический вестник.* 1887. Т. XXX. Октябрь. С. 14–15.
19. *Арсеньев И.А.* О походе в Афганистан для уничтожения владычества англичан в Индии: записка генерал-лейтенанта С.А. Хрулёва / И.А. Арсеньев // *Древняя и новая Россия.* 1878. № 4. С. 343–345.